

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ВЕПРЬ.
ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 797

Художник
О. Юдин

Калбазов К. Г.
К17 Вепрь. Лютый зверь: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 315 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1292-1

Ты оказался один в чужом мире, нашел тех, кто стал тебе близок, нашел семью и... в одночасье лишился всего того, что стало тебе по-настоящему дорого. Как быть? Смириться с выпавшими на твою долю испытаниями или, презрев все законы — людские и божьи, пойти на поводу у зверя, сидящего в каждом из нас?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1292-1

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

ОСКОЛКИ БЫЛОГО

Хотя уже началась осень, солнце все еще припекает по-летнему. Уже скоро зарядят дожди. Погожие дни еще будут, куда же без бабьего лета? Никуда, как и без них самих. Вот так вот смотришь на лазурное небо, потом бросишь взгляд окрест — и жить хорошо, и жизнь хороша. Сердце само начинает подпевать полевой птахе. Вторят ей и кузнечики. А вокруг — чистый воздух, вдыхать его — одно удовольствие. Вроде и не весна, а запахи стоят такие, что просто закачаешься. На Земле не так много уголков, где вот так вот все, как при сотворении мира, в первозданной красе. А тут — сколько угодно. Вот доносится запах ели, до опушки едва ли сотня шагов. А вот — пьянящий аромат нескошенного разнотравья и осенних цветов, над которыми все еще кружат дикие пчелы: стараются в эти последние погожие деньки увеличить зимние запасы; больших сборов уже нет, но эти трудяги рады и тому, что есть. Пахнет короставником, тысячелистником, коровяком, льнянкой, припозднившимися ромашкой, зверобоем, чистотелом... Сгоревшим порохом?..

— Иланкодж, ка джус зиурети¹.

Что там хрипит этот боец, Виктору не понять. Все же нужно озаботиться изучением языка, а то резать гульдов — дело, конечно, доброе, да вот только обидно будет, что столько крови слито в землю, а все не та. Глядя на ле-

¹ Бей, чего смотришь.

жащего перед ним солдата, он обдумывал вопрос о его пленении. Пленник нужен был для постижения вражьей речи. Рана в плечо, похоже, серьезная. Если прилетает кусок свинца весом в сорок с лишним граммов, даже если он на излете, это здоровья не прибавит. Конечно, на ноги поставить можно. Вот только бесполезно это. Смысл слов Виктор не разобрал, но весь вид этого солдата, серьезно раненного и потерявшего изрядное количество крови, говорил о том, что тот раньше издохнет, чем покорится злодейке судьбе. Ну раз так, значит, так. Совершенно спокойно, не произнеся ни единого слова, он просто и без затей рассек гульду горло, после чего обтер клинок о его мундир.

Что ж, день прошел удачно. Вот еще двоих можно записать себе в актив. Жаль, не драгуны — к тем у него особый счет, — а простые солдаты, с них много не возьмешь. Но и то хлеб. Сказал бы кто, что эти двое делают здесь, — уж больно далеко от основного лагеря. Может, разведчики? Вполне вероятно. Во всяком случае, двигались они вполне грамотно, а убитый — по повадкам так и вовсе далеко не первогодок, с охотой знаком не понаслышке. Только не помогло ему это. Виктор Волков оказался и поудачливее, и половчее, раз теперь он стоит над трупами врагов, а не наоборот. Они могли оказаться и дезертирами, да только сомнительно это: и Гульдия, и Фрязия располагаются в другой стороне, а в славенских землях гульду будут не особо рады. Тем паче сейчас, пока замирение не вышло. Впрочем, недолго осталось. Король Карл уже отправил посольство, а Миролюб — он потому и Миролюб, что при первой же возможности мир заключит.

Едва Волков подумал о мире, как внутри все заклокотало. Вот так вот, повоевали! Покрошили людишек — и скоренько на мировую. А что делать, коли планы по ветру развеялись! И главное, кто их развеял? Сам же Виктор и постарался — диверсант хренов, просили тебя...

Кампания гульдами задумывалась для захвата крепости Обрежной, с прилегающими землями и единственным мостом через большую реку Турань. Это позволило бы им оседлать большой торговый тракт. К тому они стремились уже давно. И все же их упорно не пускали в «акционерное общество закрытого типа». Как говорится, поезд ушел и нечего нарушать сложившееся статус-кво. Но гульды упорно не желали принимать данный расклад.

Все складывалось самым наилучшим образом. Напасть удалось внезапно, что было скорее правилом, чем исключением. Редко кто теперь заботится о соблюдении правил чести. К чему давать противнику время, чтобы подготовить встречу? А уж если противник — славены, так тем более... Без лишних трудов удалось осадить крепость, подтянуть осадную артиллерию, которая за несколько дней сумела пробить брешь в стене. Тут и произошло непонятное гульдам, чудовищное событие. А чего, собственно, еще ждать от этих вероломных брячиславцев? Им каким-то образом удалось прокрасться в лагерь гульдовских маркитантов и отравить пиво. Поступок бесчестный. И в результате немалая часть осаждающих полегла в одночасье. После этого не прошло и суток, как осажденным удалось прокрасться в лагерь и взорвать пороховой погреб, сумев взрывом отвлечь внимание. Пока в лагере противника царил паника, славенский воевода Градимир повел осажденных на вылазку. Те сумели вывести из строя или утянуть в крепость все вражеские пушки.

Подрыв погреба и последующую вылазку брячиславцы признали, а вот от причастности к отравлению всячески отнекивались. Кто бы сомневался. Вот только никто не верил, что пиво у Петера оказалось отравленным по случайности. Да и глупо было бы. Но прямых доказательств против славен тоже не имелось. С другой стороны, даже если бы имелись таковые, что с того? Здесь о

Женевских конвенциях и слыхом не слыхивали. Разве только могли попенять, мол, не по чести это, и высказать всеобщее западническое «фи». Да и Бог с ними.

Виктору нравилось его нынешнее житье. Вернее, нравилось до той поры, пока его маленький тихий мирок не порушили гульды. Да, этот мир куда честнее, чем тот, который Виктор оставил. Не по своей воле ушел из той, другой жизни. И все-таки даже сейчас, когда в груди зияла огромная рана нескончаемой душевной боли, он продолжал любить место, куда его занесло по непонятной прихоти Господа. А кому еще такое подвластно?

Он был рожден на Земле. Там Виктор не успел достигнуть никаких особых высот, хотя глупым никогда не был. Когда срок службы в армии подошел к концу, парню предлагали остаться, проча военную карьеру. Он отказался. Но в один отнюдь не прекрасный день попал в автомобильную катастрофу. По всему выходило, что он должен был умереть. Вопреки логике этого не произошло. Почему? На этот вопрос он и сам не знал ответа. Последнее, что он помнил из своего прошлого, — это звук удара автомобилей, сминаемое железо, острая боль в левой части тела и четкое осознание: случилось что-то непоправимое. Очнулся в лесу. Обнаружил, что находится не в своем теле. Это тело душа покинула, когда человека ударило стволом рухнувшего дерева, а его, Виктора, заняла освободившееся место. Как-то так.

И вот, в неизвестном мире, который по уровню развития напоминал ему конец XVII века, Виктор вполне комфортно устроился в теле бывшего скомороха по имени Добролюб. Тот пробавлялся выступлениями на потеху доброму люду. Однако Волкову не блажило всю жизнь выступать на рыночных площадях, жить без кола и двора, прожигая молодые годы. Он всегда помнил народную мудрость: молодость — это всего лишь средство, чтобы обеспечить себе старость.

Так уж сложилось, что с самого начала ему пришлось

убивать. Убивать много и не по своей воле. И он вынужден был так поступать, защищая себя. Спасибо Добролюбу, что он так здорово умел метать ножи. Эта вторая жизнь принесла и кое-какие материальные блага, которые могли позволить неплохо устроиться, и большую любовь. Правда, любовь эта не дала счастья. Как-никак Смеяна — боярская дочь. Он и любил ее на расстоянии, скрывая свои чувства от всех.

Разумеется, заняв свою нишу в обществе, Виктор не думал устраивать революцию и перекраивать существующий мир, возомнив себя самым-самым. Он стал скромным владельцем постоянного двора на перекрестке торгового тракта. Вот только заниматься обеспечением быта заезжих путников ему оказалось скучно. Тогда он вспомнил свои прошлые специальности — токаря и слесаря, которые получил еще на Земле. И не мудрствуя лукаво решил построить станки, аналогов которым здесь пока не было. Земные знания многому должны поспособствовать. Он хотел наладить производство нужного здесь инструмента, который помог бы сделать большой скачок в развитии! Тогда и сам Волков мог бы получать огромные дивиденды и устроиться с максимальным комфортом.

Новая жизнь шла своим чередом. Виктор Волков успел и жениться. Пусть не на той, по которой сходил с ума, но семья получилась хорошая. Родилась дочь. К этой малютке он прикипел всем сердцем. Перспективы вырисовывались великолепные. Казалось, здесь, в этой жизни, есть у него неплохое будущее. И все было порушено в одночасье. Гульды... Западное государство смотрело на людей восточных княжеств как на отсталых и грязных дикарей. Гульды прошли огнем и мечом по жизни Добролюба. Сам он сумел тогда свалить троих, потом получил удар палашом, потерял сознание. В память о том дне нес он на своем теле страшные шрамы, его некогда привлекательное лицо стало безобразным. И все же не это

так мучило. Острее всего переживал он гибель двухмесячной дочери. Эта рана болела в его душе. И теперь по бескрайним просторам Брячиславии, по ее лесам и степям метался уже не тот прежний Виктор, или Добролюб, а самый настоящий зверь. Уж во всяком случае, если дело касалось гульдов...

— Ура-а-а!

— Слава великому князю!

— А-а-ах-а-а!

Раненый приподнялся на лавке, придерживая живот и кривясь от боли, и спросил:

— Что там такое, Добролюб?

В то, что бедолага выживет, не верил никто, даже лекарка, которая, невзирая ни на что, хотела поставить его на ноги. Но бабка Любава оказалась знатной травницей. Парень активно шел на поправку, удивляя всех. Горазд прислуживал на постоялом дворе Виктора. Хотя он и был вольным, но так уж сложилась его судьба. Когда его родители и братья попали в кабалу, ему подобной участи удалось избежать. Но пришлось, неприкаянному, податься в услужение. Впрочем, о том ни разу не пожалел. К тому же повстречал Веселину, дочь кузнеца, которому тоже довелось испить горькую чашу: стал холопом вместе со всей семьей, превратился в собственность Волкова. Хозяин обещал отпустить молодых по истечении пятилетнего срока. Но не судьба.

И Веселина, и мать ее, и брат вместе с женой Виктора и его дочуркой погибли в тот день, когда на двор ворвались гульдские драгуны. Парень видел, как издевались над женщинами, насиловали их. Сам был прибит к воротам, там же и пулю в живот получил.

— Да ничего особенного, — недовольно вздохнул Виктор. — Война окончилась, гульды ушли за Турань. Выходит, крестьянам пора выбираться из лесных шалашей да землянок и двигать обратно, восстанавливать дома.

— Поспеют ли? — усомнился раненый.

— Дома-то поставят, а вот как выживать будут в эту зиму — не ведаю. Наверное, уж великий князь поможет. Откроет свои закрома.

— Эдак раз поможет, вдругорядь приключится неурожай, а там и кабала подоспеет, — недоверчиво хмыкнул Горазд. Он помнил, каково это — за долги попадать в неволю.

Нельзя сказать, чтобы Виктор одобрял сложившийся порядок вещей. Но и поделаться с этим ничего не мог, а потому просто принял ситуацию как данность, постарался приспособиться, а не прошибать лбом каменную стену. Принять-то принял, но как-то по-своему, по-особенному. Вот вроде были у него холопы, но хозяин-то из него вышел непутевый. Потому как на одной холопке сам оженился, остальных допустил до своего сердца. И стали они скорее и не холопами для него, а родней, коей у него не имелось по понятным причинам. Может, у Добролюба где-то кто-то и был, да только он и сам о том не помнил, а уж у Виктора тут точно никого. Сначала — никого не было, теперь — никого не стало. Разве что Горазд, ведь тоже человек не чужой, да еще где-то Богдан есть, о котором он ничего не слышал уж пару месяцев.

— Ты вот что, Горазд. Возьми.

— И что это? — Парень взвесил кошель в руке.

— Там сто рублей, стало быть, тридцать три гривны. Вот еще и грамотка тебе, мною писана, о том, что серебро это ты не украд, а получил от меня. Выкупи родителей да братьев. Этого должно хватить. Не гляди на меня так, ничего ты мне не должен. И род твой в должниках не останется. Была у меня семья большая, и вы все в той семье были, а теперь опять я один. А что до той деньги, так я и без того собирался тебе на семью выделить, просто не хотел давать за так, а чтобы с потом и кровью, потому как дареное за красивые глазки не ценится.

— Стало быть, за службу верную одариваешь, — горько улыбнулся Горазд.

— Дурак ты, если не понял. Деньги потратить на семью, а если что останется, то уж и сами разберетесь. Коли повстречаешь Богдана, передай, чтобы шел в Звонград, в съезжую избу. Я там для него грамотку вольную оставлю. Да вот передашь и десять рублей.

— А если не встречу?

— Не пройдет он мимо могилы семьи, придет поклониться. А ты поблизости все одно будешь, пока на ноги не встанешь. Все. Пора мне.

И рад бы Виктор остаться, да нет ему покоя. Война для него очень уж удачной вышла. И трофеев набрал множество: одних только боевых коней со правой восемь голов, а это около шестисот рублей, да оружия всякого. Чтобы восстановить подворье в прежнем виде, а то и краше дом поставить, денег у него вполне достаточно, еще и осталось бы. Даже если полностью расплатиться с производителем за заказанные станки. Вот только нужно ли ему это? Душа болит, сердце разрывается. Иного способа унять эту боль, кроме как одарить ею заклятых врагов, он не видел.

Нет, голову он не терял. Его ярость была холодной и расчетливой. Правы были те, кто утверждал: месть — это блюдо, которое лучше подавать холодным. Потому и о добыче заботу имел, и оружие не все определил на продажу. Весь трофейный огненный бой оставил при Горазде, продал же только клинки да шесть лошадок со правой. Пару коней оставил при себе. Прибавить сюда еще и то серебро, что осталось у него от довоенных времен... Словом, деньги у него имелись. Осталось превратить их в средство, которое станет подспорьем в осуществлении задуманного.

В Звонграде, распродав лишнее имущество, он посетил кузнечный двор. Заказал — не скупясь, из хорошей стали — дюжину ножей для метания. И не у абы какого

мастера, а у самого лучшего в слободке. То, что на выполнение заказа обстоятельный мужик попросил две недели, он воспринял легко, его вполне устраивал такой срок.

Покончив с делами в Звонграде, Виктор направился в Брячиславль, где его уже дожидался заказанный пистоль. Вот ведь. Раньше просто хотелось иметь револьвер, не столько из соображений воинственности или безопасности, сколько из-за романтических детских мечтаний о Диком Западе и простой тяги к хорошему оружию. А оно вон как обернулось! Теперь это оружие нужно было именно для сражения, для убийства. Он жалел, что не заказал тогда сразу пару пистолей. Ну да ничего, Бог даст — у мастера найдется еще один, собственной конструкции. А может статься, он изготовит новый, по той схеме, что предложил странный заказчик.

Пистолы конструкции мастера Лукаса оказались в наличии. Была их только пара, и мастер ни в какую не желал ее разбивать. И Виктору уж очень не хотелось отказываться от того, который сделали по его собственному заказу, уж больно ладное и куда более прочное и практичное получилось оружие.

Теперь револьвер имел законченную рамку, что в значительной степени увеличивало прочность. Отжав защелку, можно было отбросить барабан в сторону и извлечь его, заменив другим, снаряженным, у которого имелся скорозарядник — ну не знал Виктор, как еще назвать эту конструкцию! Она предотвращала высыпание пороха из задней части каморы в барабане, а спереди порох удерживала плотно подогнанная пуля. Насаживаешь барабан на ось, отсоединяешь скорозарядник, переводишь барабан в боевое положение — и оружие готово к бою. Хотя нет, был еще один момент. Необходимо было досыпать порох в емкость на кресале, так как его там хватало от силы на восемь выстрелов. Если сделать емкость больше — уже неудобно, больно массивно. Впро-

чем, в любом случае скорострельность получалась значительно выше. Переснаряжение револьвера занимало куда меньше времени, чем перезарядка одного обычного пистоля. В комплект входило еще два запасных барабана, а это гарантированные восемнадцать выстрелов.

Купил Волков и ту пару, что была сделана по старой конструкции мастера. Вот ведь упертый! Видит же, что по-новому получается и лучше и практичнее, но нет. За деньги он взялся внести изменения в конструкцию, но только единожды, потому как считал это блажью, а вот свое видение устройства пистоля признавал единственно верным. А может, дело вовсе и не в этом. Просто оружие было уже практически в стадии готовности, и он решил его доделать. Но, возможно, причина и в дороговизне. Сто семьдесят рублей — это весьма серьезная сумма. Мало найдется желающих выложить такие деньги за один пистоль, пусть даже и очень продвинутый, усовершенствованный. А за меньшую плату мастер не согласен делать столь сложную работу. Он и с Виктора изначально затребовал сто пятьдесят, но потом спохватился — понял, что погорячился.

— А почему так сильно изменилась цена, уважаемый?

Грозный вид Виктора не произвел на мастера впечатления, а если и произвел, то он хорошо владел собой. Идти на попятную оружейник не собирался ни при каком раскладе.

— Исполнить ваши требования к оружию оказалось не так уж и просто. Пришлось придумывать новые механизмы, работа стала более сложной. Когда вы высказали свои пожелания, то я, признаться, затруднился сразу оценить заковыристость работы. Но я все понимаю. Разговор был об одном, на деле получилось другое. Поэтому я готов вернуть вам ваш задаток, а для пистоля поищу другого покупателя.

Можно было и возразить. Но Виктор видел, что мастер не занимается банальным разводом. Просто сегодня

такие расценки, к тому же все делается вручную при практически полном отсутствии необходимых станков. Что касается предварительной договоренности, так на словах оно вроде и действительно все просто, а на деле...

— Господин Лукас, я не задумываясь выложу причитающееся, если этот пистоль покажет себя хорошо в испытаниях. Мало того, сделаю еще один заказ. Но предупреждаю: испытывать буду жестко.

— Насколько жестко?

— Ну, молотом бить по нему в мои планы не входит, и намеренно курочить его я не стану.

— Хорошо, — вздохнув, согласился Лукас.

Вскоре оружейник пожалел о своем согласии, когда увидел, как этот изверг бросал его изделие в пыль, отряхивал и стрелял, ронял с разной высоты, в том числе и на брусчатку со скачущей лошади, волок его по дороге за собой. Но, слава Господу, мастер к своей работе всегда подходил основательно и вдумчиво, а потому оружие выдержало все эти издевательства с немногими потерями. Однажды отлетел кремень. В следующий раз повредились кресало и курок, появились вмятины, царапины, отчего оружие потеряло свой нарядный вид. Но беды не было, потому что покупатель только довольно цокал языком, заявив, что ремонт оплатит из своего кармана.

Когда же Виктор предложил проверить таким образом оружие, изготовленное по схеме самого Лукаса, тот категорически отказался. Вот пусть покупатель сначала оплатит пистоль, а там делает с ними все что угодно. В душе он понимал: подобных испытаний его образцы просто не выдержат и поломки будут куда более серьезными. Испытать тот образец он согласился потому, что все же чувствовал себя виноватым перед заказчиком. Ну и надеялся также, что тот сделает следующий заказ. Теперь, когда пистоль уже готов и не нужно думать и гадать, как там и что сделать, дело должно пойти легче. Вот только поди найди на такой товар покупателя! Его шестизарядники

порой лежат на прилавке по году, а то и больше, что же говорить про эти.

За оружием Виктор пришел утром следующего дня. По виду Лукаса он понял, что оружейник трудился чуть ли не всю ночь, чтобы привести изделие в порядок. Что ж... Это делает ему честь. Взяв в руки пистоль, Волков проверил, как работает механизм. Все было просто исключительно. Без претензий отсчитал названную сумму.

— Вы хотели дать мне еще один заказ. — Мастер внимательно глядел на этого уродливого парня, который пытался скрывать свое увечье под платком, повязанным на лицо.

— Хотел. Мне нужен карабин, сделанный по такому же принципу, что и этот револьвер.

— Какой револьвер?

— Ну вот этот пистоль.

— А почему — револьвер?

— Не знаю, — увильнул от прямого ответа Виктор. — Просто однажды слышал, как оружие, похожее на ваш пистоль, называли револьвером.

— Хм. А звучит очень оригинально. Ре-воль-вер, — по слогам произнес Лукас, — Отлично звучит. Так и буду называть. Кстати, чуть не забыл! Уж простите. Вроде и не старик, но вы меня заставили поволноваться, так что память немного подвела. К вашему пистолю прилагается вот это.

При этом мастер выложил на стол аккуратный ящик, очень похожий на те, в которых хранились дуэльные пистолеты. Виктор когда-то видел такие в кино. Внутри все отделано черным сукном. В устроенных ячейках находились пороховница, мерка для пороха, набор для ухода за оружием, пулелейка, запасные барабаны и приспособление для заряжания. Принцип его работы один в один совпадал с тем, что использовался на самом револьвере. Заряжать его можно было, не извлекая барабан. В общем-то ничего особенного — примерно то же, что и

на первых кольцах. Самое большое отделение предназначалось для хранения пистоля. Впрочем, уж где-где, а в этой изящной коробочке из ореха ему точно не лежать, не для того он куплен.

— Судя по вашему виду, вы прекрасно поняли, что здесь и для чего. Тогда еще одно. Мои пистолы могут давать по четыре десятка выстрелов без основательной чистки, но только если использовать порох, что продается в моей лавке.

— А поподробнее нельзя?

— Вот здесь, видите, в рукояти устроен пенальчик, в котором имеется ершик. Достается он вот так. После восемнадцати выстрелов достаточно откинуть барабан и пройти сухим ершиком по затравочному отверстию, сметая свежий нагар. Это нужно повторять после каждого отстрелянного в последующем барабана. Но после четырех десятков выстрелов уже нужна вдумчивая чистка — тогда уж и кресало забьется, да и в целом оружие будет в таком состоянии, что больше осечек будет, чем выстрелов.

— Вы потому и сделали только три барабана.

— Да, основная причина в этом.

— А сколько вам потребуется времени, чтобы сделать еще три?

— Думаю, неделя.

— Изготовьте. Сколько я буду должен?

— Пять рублей за штуку. Разумеется, каждый барабан будет снабжен удерживателем.

Мастер так называл скорозарядник. Что ж, как хочет, так и называет. Название, придуманное Виктором, тоже притянуто за уши.

— Устраивает. А что там с порохом? Вы как-то по-особенному его изготавливаете?

— Не я. Покупаю его в Гульдии, куда специально для этой цели езжу примерно раз в год. Обычные пистолы и мушкеты без чистки могут производить до полутора де-

сятков выстрелов, после частичной чистки — еще выстрелов восемь-десять, а потом начинаются сплошные осечки. То кресало не высекает искру, то порох на полке загорается, но огонь не попадает в ствол из-за нагара. Тут уже нужно чистить со всей основательностью. У многозарядных пистолей... хм... револьверов это проявляется гораздо сильнее. А вы будете иметь возможность произвести целых тридцать шесть выстрелов подряд, что с обычным порохом не получится, даже после чистки на скорую руку. Этот же порох сгорает наиболее полно и дает значительно меньше нагара. Так что вы сможете произвести ваши тридцать шесть выстрелов без особых хлопот.

— Коли так, то, разумеется, я куплю порох у вас. Кстати, намного дороже?

— Не так чтобы сильно, но дороже. — Лукас, словно извиняясь, развел руками.

— Ладно. Куда же деваться.

— Насчет карабина нужно бы поговорить более конкретно, — приняв деловой вид, перевел разговор оружейник.

— Вот, я набросал чертеж или, скорее, рисунок. Хотелось бы получить нечто очень похожее.

— Интересный подход. Такие приклады мне еще не попадались, оружие будет весьма удобным. Но здесь не указано, каким должен быть его калибр.

— А какой наименьший калибр вы можете сделать?

— Вообще-то вы его уже видели, на пистоле.

— Это самое малое? А еще меньше сделать не можете?

— Молодой человек, не требуйте невозможного. К тому же меньшего калибра я еще не встречал. Как только наткнетесь на такую новинку, непременно сообщите мне. Очень любопытно, как такое возможно.

Все понятно. Существующие технологии попросту не позволяли создать нечто другое, Виктор понятия не имел, как здесь производятся эти самые стволы. Вряд ли

высверливаются, для этого необходимо иметь специальные сверла для глубокого сверления, а главное — станки, которых тут еще не знали, это услужливая память подсказала из прошлой жизни. Первый такой станок едва не появился по воле самого Волкова, но не судьба. А может, отливаются?.. Нет, похоже, все же ковались, тут, почитай, все на ковке. Да и бог с ним. По большому счету, то, что получилось у мастера Лукаса, рядом с другим оружием было прямо-таки миниатюрным: калибр револьвера получился порядка двенадцати миллиметров.

— Господин Лукас, я надеюсь, вам не надо напоминать, что ствол тоже должен быть нарезным и необходимо изготовить шесть барабанов, оставив запас в два калибра?

— Разумеется.

Пуля Минье. Она имеет длину в два калибра. Если бы мастер сделал барабан под привычную тут круглую пулю, то потом не удастся зарядить пулю Минье, которую планировал использовать Виктор. Он когда-то читал о ней и о пуле Нейслера, принцип изготовления ему известен, вот только вводить ее в обиход раньше времени он не собирается. Здесь уже умеют изготавливать нарезные стволы, и это под силу каждому оружейнику, но распространения такое оружие не получило. Причин тому было несколько. Это и сложность изготовления, и долгий процесс заряжания. К тому же нарезные ружья по скорострельности вдвое отставали от гладкоствольных. Сейчас пулю приходится либо вгонять в нарезы с дульного среза и прогонять через весь ствол, либо, закатив пулю, бить потом деревянной киянкой по шомполю, чтобы слегка расплющить ее, заставляя сминаемый свинец входить в нарезы. При этом давятся гранулы пороха, что ухудшает его дальнейшее горение. Понятно, что в данном случае стрельба производится уже не круглой пулей, а практически бесформенным кусом тяжелого

металла с весьма посредственными баллистическими характеристиками. Преимущество нарезных ружей составляют только меткость и дальность, да и то не особо заметные.

Пуля Минье решала множество проблем, уравнивая скорострельность гладкоствола и нарезняка, добавляя плюсов последнему и выводя его в неоспоримые лидеры. Коническая пуля имела гораздо лучшие характеристики, чем круглая, а уж про смятый свинец лучше и вовсе помолчать. К тому же ее изготовление не составляло большого труда, нужно было только изготовить нормальную пулелейку. Конечно, такая пуля была более дорогой и сложной в производстве, но это если брать обычную, с чашечкой. Виктор же собирался применять так называемую американку. Эта пуля выполнялась только из свинца, без чашечки, и ее расширение происходило под давлением газов.

В его планы также входило значительно увеличить боевые характеристики гладкоствола, для которого он собирался применить пулю Нейслера. По принципу действия она напоминала пулю Минье, но только имела длину в один калибр и была цилиндросферической. Казенная часть имела также форму чашечки, но при расширении свинец не вгонялся в нарезы, а просто прижимался к стенкам ствола, исключая прорыв газов вокруг пули и не позволяя той болтаться из стороны в сторону. Эта пуля вдвое увеличивала точность боя и прицельную дальность обычных мушкетов и пистолей. Вот только Виктор не хотел ставить посторонних в известность относительно своих задумок.

Нет, у него не было мысли о государственной выгоде, просто хотелось иметь преимущество над другими. Ну кто может подумать, что он может прицельно поразить противника с дистанции в триста шагов, если сегодняшние образцы позволяли это сделать максимум со ста пятидесяти. Поэтому он просто заказал Лукасу барабан с

запасом места под более длинную пулю, не объясняя причин.

Кстати сказать, опыт обращения с пулей Нейслера у Волкова уже имелся, как имелась и пулелейка под калибр тех драгунских карабинов, которые он взял в качестве трофеев при нападении на эскорт барона Берзиньша. На пепелище он ее нашел, оплавленную и потерявшую форму. Неудивительно, что пулелейка деформировалась, ведь она изготовлена из бронзы. Правда, толку от нее все равно не предвиделось. Изучив захваченные в ходе войны стволы, Виктор обнаружил, что только среди карабинов и мушкетов было три разных калибра, разнящихся на миллиметр или даже два. Причем ни один из них не соответствовал тем, что были у него раньше. Пистолеты оказались столь же многообразны, их калибры колебались от четырнадцати до двадцати миллиметров. Ничего не поделаешь, до стандартизации здесь еще очень и очень далеко, а потому у каждого мастера имеется свой стандарт, да и то не факт. Вспомнилось, как Богдан возмущался, когда Виктор приобрел набор измерительных инструментов имперского стандарта. Мол, выброшенные на ветер деньги... Все-то у них тут на глазок!

— За месяц управитесь? — уточнил Виктор.

— Хм... Раньше вас устраивали иные сроки.

— Обстоятельства изменились.

— В принципе все отработано. Немного изменятся лишь размеры барабанов, ведь их нужно будет увеличить. Но месяца маловато будет. Скорее два. И это не считая того времени, в течение которого я буду делать дополнительные барабаны. Здесь тоже шесть барабанов?

— Да. Что ж, если все вопросы обговорили, то давайте ваш порох, — подвел итог встрече Виктор.

— Сколько?

— А сколько у вас есть?

— Достаточно много.

- Это не ответ.
- Полтора бочонка.
- Давайте весь.
- Куда вам столько?
- А я его солить буду.
- Что-что?
- Не имеет значения.

— Нет, так я не могу. Если уж вам так нужно, то я продам целый бочонок, но початый оставлю, ведь владельцы моих пистолей берут порох только у меня. А когда приедете за карабином, то сможете докупить еще.

— Не хотите терять клиентуру. Понимаю. Ладно, по рукам.

Виктор решил не терять время попусту. Пока готовились дополнительные причиндалы, он посетил ювелира — златокузнеца, как их тут величали, — и заказал ему две пулелейки: для своего револьвера и еще одну — для карабина. Правда, ставить ювелира в известность, что именно тот делает, Волков не стал. Собственно говоря, какая разница? Форму дали, остается только изготовить требуемое. Вроде как понятно, что это приспособление для отливки, а вот что именно отливать будут — поди пойми. К тому же к оружию ювелир не имел никакого отношения, поэтому никаких подозрений у него не возникло. Конечно, взял за работу изрядную плату, так ведь оно и понятно: он все больше по драгоценным металлам, а тут... Но Виктору требовались точность и аккуратность. Тем более что к услугам ювелира в этом вопросе он прибегал и раньше.

С пистолетами конструкции самого мастера Лукаса вариант с заменой пули не проходил. Дело в том, что его барабаны покорооче и новую пулю в них не загнать. Пуля же Нейслера не годилась для нарезного оружия, так как имела все шансы сорваться с нарезки. Поэтому придется использовать обычную круглую. Впрочем, ничего страшного: даже с такой они давали весьма приличную

дальность боя, чему способствовал все тот же нарезной ствол. Кстати, в первых кольцах также использовалась круглая пуля.

Все эти дни Виктор провел за городом, непрерывно практикуясь в стрельбе. В такие моменты он напоминал себе стрелков из виденных ранее вестернов, вот только ему сейчас не до воспоминаний и не до размышлений. Он не собирался вымещать злобу на мирных гульдах. Однако если кто-то попадется под горячую руку и Виктор по стечению обстоятельств его пришибет, то угрызениями совести страдать не станет. Охота же на военных — опасное предприятие, поскольку они имели дурную привычку стрелять в тех, кто посмел поднять на них руку. Поэтому отнюдь не лишне практиковаться в стрельбе и всевозможных методах скорейшей изготовления оружия к бою. А более всего поспособствует неожиданное его применение из самых невероятных положений. Вон, в свое время дурачились, молодые и глупые, выхватывая автоматы из положения «на ремень», потом Виктор точно так же выпендривался перед холопами уже здесь... А результат каков? В немалой степени благодаря отработке этих телодвижений он вышел победителем в схватке на дороге сразу с четырьмя драгунами. Так что не лишнее это все, не лишнее.

Через пару дней были готовы заказанные пулелейки. Виктор начал тренироваться со своим револьвером. Можно было, конечно, и раньше поупражняться с круглой пулей, вот только не хотелось потом переучиваться: характеристики оружия при использовании новой пули все же менялись. Кольт — именно так, не мудрствуя лукаво, Виктор решил назвать свой револьвер: так гораздо привычнее, — оказался на диво точным оружием. Пришлось немного поработать напильником, стачивая целик, чтобы привести его к нормальному бою (мастер-то готовил оружие под другую пулю). Обработывал эдак полегоньку-помаленьку, чтобы не переборщить, но ничего, управился.

Когда наконец барабаны были готовы, Виктор устроил кольту самый настоящий экзамен. Палил из него направо, наработывая навыки обращения и проверяя возможности. Показатели были весьма неплохие, как и предсказывал мастер, отработка навыков тоже прошла вполне приемлемо. Путем многократных повторений, чуть не до тошноты и боли в руках, он добился того, что все эти действия дошли до автоматизма. Тренировался как со снаряженными к бою, так и с незаряженными барабанами.

Вот только со стрельбой с двух рук никак не шло. Если использовать два револьвера мастера Лукаса (он их так и называл — «лукасы»), то вполне терпимо, хотя левая рука все равно отставала. А если в руках оказывались револьверы разных систем, то дело шло совсем плохо. Поэтому нужно было выбирать: либо один кольт, либо пара «лукасов». И дернул же его черт купить эти револьверы! Мало того что нет необходимой прочности, так еще и в паре с кольцом не используешь. А от последнего он ни за что не откажется. Ладно, обвешается оружием, как новогодняя елка разноцветными шарами. А что еще остается?

К слову сказать, он теперь без оружия даже в нужник не ходил. Вот заседает, думает о добром и вечном, а револьвер рядышком в кобуре висит, снаряженный к бою. Полезная привычка, если учитывать прежний опыт.

Испытания карабина тоже дали отличный результат. С расстояния в триста шагов он уверенно вгонял пулю в человеческий силуэт, причем не абы куда, а в район груди. Хорошим стрелком он был и в прежней жизни, а тут на прошлые знания наложился еще и глазомер скомороха Добролюба. Впрочем, кто бы сомневался в его талантах, ведь опыт уже имелся.

— Эй, парень!

Виктор разом обернулся, изготавливаясь к бою. Хорошо хоть сдуру не пальнул, а то весело было бы. Примерно в шестидесяти шагах стоял солдат. Как и положе-

но — в зеленом мундире с красными отворотами и треуголке. Стоит с карабином в руках, направленным в сторону Виктора. Нет, он не целится, чтобы уж совсем не провоцировать на ответные действия, но, очевидно, готов к любому повороту событий. Судя по отворотам и галунам на форме, это драгун, у пехоты цвета серые.

Понятно. Стражники несут службу по обеспечению законности в городах, а вот на дорогах и просторах страны этим все больше занимаются армейцы или боевые холопы, снаряженные боярами. Но тут земли государственные, а у великого князя боевых холопов отродясь не водилось, на то у него раньше была дружина, а теперь регулярная армия имеется. Ну то есть как регулярная — пока в зачаточном состоянии, переходное такое положение от дружины к полноценной армии. Во всяком случае, большая часть конницы — посадская, а пехоты — стрельцы.

Времени на размышления оставалось немного. Либо донес кто, что здесь, у реки, частенько палят из огнестрела, либо солдаты сами услышали звуки выстрелов и поехали проверить. Как бы то ни было, Виктор также направил оружие в сторону солдата и, как и он, не стал брать противника на прицел, словно говоря, что готов постоять за себя, но на рожон не полезет.

— Чего тебе, служивый?

— Ты бы карабин-то положил на землю.

— Коли хочешь поговорить, то я готов, а вот оружие не положу. Да ты не сердчай, служивый. Почему мне знать, что ты не тать, надевший на себя честный мундир? Тем паче, я так думаю, тут вас ну никак не меньше пяти и остальные меня сейчас выцеливают.

— Умен. Но ствол от меня отверни.

— Так и ты не целься. И парням скажи, пусть выйдут, мне все равно со столькими не справиться.

— Ребята, выходим.

А ничего так, грамотно обложили. Да будь Виктор

даже Верной Рукой (это тот, который друг индейцев), ни за что их не положить. Впрочем, это если изображать из себя неподвижного и стойкого оловянного солдата, чем здесь грешат очень даже многие. Он-то подобных предрассудков лишен начисто. Нравится кому-то изображать из себя ростовую мишень — милости просим, вот только ответной любезности от Волкова нипочем не дождетесь. Ему, конечно, по голове прилетало уже не раз, но все же удалось не заболеть на эту столь важную часть человеческого тела.

— И что дальше, служивый? — Видя, что его перестали держать на прицеле, Виктор спустил курок на предохранительный взвод и забросил ремень на плечо.

— Да-а, задал ты нам задачку. Нет чтобы татем оказаться... Сейчас как положено стрельнули бы — и вся недолга. А теперь разбираться надо.

— Ага, да еще и в начале патрулирования.

— А ты почему знаешь, что в начале?

— Утро и от града недалече. Так чего тут думать-то?

— И то верно. Ладно, садись на свою конягу — и поехали в приказ. Пусть там разбираются, кто ты есть. — Вообще-то называть боевого коня «конягой» драгуну не пристало, ну да бог с ним.

Когда они уже неспешно пылили по дороге, Виктор спросил:

— А чего вы всполошились? Донес кто?

— Нет. Мы сами выстрелы услышали. Ты прости меня, мил человек, коли обижу, но личико у тебя распаяно — любо-дорого смотреть. Вот так взглянешь, и сразу казнь на лобном месте мерещится.

— Гадаешь, не тать ли я часом?

— Было поначалу, пока вплотную не подошел. С ожогом непонятно, но сабельный удар от работы мастера заплечных дел я отличу.

— С ожогом тоже все просто. Я владел постоянным двором на полпути от Звонграда до Обережной. Места

знакомые? Вижу, что знакомые. Так вот, когда гульды пришли, мое подворье пожгли, а семью извели.

— Ладно, чего время терять зря... Дорогу-то знаешь? — ни с того ни с сего спросил капрал.

— Это куда?

— А куда тебе надо. В общем, не маленький, сам разберешься, а нам службу справлять надо. Бывай.

Старший патруля осадил коня, развернулся и порысил в противоположную сторону, взмахом велев остальным двигаться за ним. Драгуны молча выполнили приказ, хотя на их лицах застыло недоумение.

— Ворон, а что это было? — не выдержав, спросил капрала один из солдат, весь вид которого говорил о том, что отслужил он ничуть не меньше своего начальника.

— Так мы же вместе были в гостях у Крюкова, когда он с войны возвернулся и застолье устроил.

— Знамо дело вместе. Славно погуляли, — довольно улыбнулся драгун.

— А помнишь, что он сказывал про осаду крепости? Помнишь, как он говорил о трактирщике, который устроил гульдам кровавую баню?

— Да что-то такое вроде припоминаю... Больно много выпито было.

— Стало быть, про то, что того трактирщика изуродовали до звериного обличия, ты не помнишь.

— Хм... Вот про какого-то уродца с пожженным лицом помню.

— Ну слава тебе Отец Небесный, хоть что-то помнишь.

— погоди, так ты думаешь...

— А чего тут думать? Сабельный удар ты сам видел. И то, что рана не застарелая, ясно даже нашему молодняку. И на ожоге кожа еще розовая. Да и тать иначе себя вести станет. Так что все одно к одному.

Опять золотые церковные купола, опять над землей плывет малиновый звон, какого во всей Брячиславии

нипочем не услышишь, — даже столица уступит в этом Звонграду. Кто знает, может, мастера были особенно искусными, а может, место это особо располагало к благозвучию церковных звонниц, да только нигде более не слышится эта мелодия так, как здесь. Люди, доходившие до столицы Сальджукской империи, откуда пошла новая вера, утверждали, что и та уступит первенство этому небольшому славенскому граду. Впрочем, это смотря с чем сравнивать: если с имперскими городами, так да, небольшой, а если с градами славенских княжеств — так и не малый вовсе получается.

Виктор и сам не понял, в какой момент Звонград для него стал родным. Вот подъехал к нему, и словно воздух изменился, даже себя поедом грызть перестал. С чувством вины за погибших на постоялом дворе он и спать ложился, и рассвет встречал. Но вот здесь на время отпустило, причем, как только звон оборвался, так и черные мысли вернулись. Слишком долго он отсутствовал, за это время можно было гульдам пустить кровушку, и не раз. Но ничего, чай, не прохлаждался, готовился к предстоящему.

Можно было и не заворачивать в град, да только заказанные ножи следовало забрать, все-таки для дела заказывал. А еще решил отчего-то побывать в таверне, где раньше жена Голуба обреталась и где они впервые встретились. Виктор и не думал, что она успела для него стать чем-то большим, чем просто матерью его дочери, ведь в сердце всегда жила молодая и недоступная Смеяна. Но вот странное дело: после случившегося жену он вспоминал часто (не чаще, чем дочь, но не по одному разу в день), а вот боярышню — раз-два и обчелся. Даже сейчас вспомнил как-то вскользь. Может, правильно люди говорят: с глаз долой — из сердца вон. А как же Голуба? Так и тут народная мудрость в сторонке не осталась: имея — не ценим, потерявши — плачем. Нет, все же никакие постулаты, даже религиозные, не сравнятся с народной

мудростью! Потому как все это вымучено и выстрадано, и цена за то уплачена немалая, жизни человеческие. А может, эта мудрость — от Бога? Ведь именно Он отмеряет нам чашу страданий...

Так, стоп. Страдалец. Что это ты тут сопли развел, словно в бразильском сериале? В монастырь грехи замазывать один черт не пойдешь, вон оружием обзавелся, не ради веселья же. Ты мстить собрался, а раз так, то нечего из себя разыгрывать Рыцаря печального образа или ярого поборника веры, которая учит прощать врагов своих. Так что же, в трактир не ехать? А вот в трактир как раз нужно, хотя бы потому, что снеди у тебя нет никакой, все вышло.

Когда Виктор зашел в кружало, сразу почувствовал кислый запах выпивки, квашеной капусты и давно не мытых тел завсегдатаев. Дело близится к вечеру, так что подтягиваются страдальцы, несут заработанные за день копейки. Как эти копейки заработаны, вопрос иной. Кто-то находит приработок. Кому-то улыбнулся Авось и удалось облегчить зазевавшегося ротозея, от коего этот капризный бог отвернулся. Кто-то надавил на жалость, и люди поделились копеечкой с увечным или обездоленным... Это не имеет значения — здесь они все честно платят, потому как заработанное нужно куда-то девать, а по большому счету, все дела ради вот таких посиделок и делаются. Ведь тут можно не только набить брюхо вполне вкусной едой, но еще и отдохнуть телом, которому, кроме выпивки, потребно еще кое-что — например, баба. Все это тут найдется. Кстати, покойная жена Виктора как раз отсюда и была и занималась тут тем самым непотребством... Ну да не о том речь.

В нос ударил знакомый аромат наваристых щей. Как в этом месте умудрялись переплетаться самые разнообразные запахи, для Виктора оставалось загадкой. А главное, он не мог взять в толк, как в подобной забегаловке умудрялись готовить невероятно вкусные блюда! Но

факт оставался фактом. Если тебя не отпугивал непрезентабельный вид заведения, то ты имел все шансы поест по-настоящему вкусно и недорого. Блюда тут готовили простые, немудреные, но сытные.

Виктор по старой привычке бросил взгляд туда, где обычно сиживал, а потому стал свидетелем того, как трактирщик выпроваживает оттуда завсегдатая, которого Волков помнил еще по прежним временам. Не иначе как ждет какого-то важного для него человека, просто так он бы не стал никого двигать.

— Ты чего? — возмутился посетитель.

— Иди за другой стол, кому сказано, — сердито прикрикнул трактирщик. — Давай-давай, и не оглядывайся мне тут.

И, обмахнув стол полотенцем не первой свежести, позвал:

— Добролюб, проходи.

О как! Это его, что ли, так встречают? А как это его узнали-то, коли он и сам, глядя в зеркало, себя не опознает? Вот ведь однако. Виктор не стал отнекиваться, к тому же ему хотелось занять именно этот стол. Он опустился на скамью и непроизвольно бросил взгляд в зал, всматриваясь в девичьи фигуры подавальщиц. А потом что-то сильно кольнуло в груди, и он сразу сник. Не будет этого. Ничего уже не будет. Нет ее.

Молодая девка двигается семенящей походкой и несет в руках большой поднос, на котором тарелки со щами и кашей, щедро сдобренной мясом, а также запотевший кувшин с квасом. Все как всегда. Это хозяин заведения, едва увидев его в дверях, предупредил холопку, а сам пошел организовывать место, потому как только он и Голуба знали о вкусах Добролюба. Взглянув на девку, он увидел, что ее лицо тоже знакомо. Именем никогда не интересовался, но она и тогда здесь обслуживала клиентов, Виктор частенько наблюдал, как они с Голубой в уголке шушукались.

подавальщица сноровисто расставила на столе снесь и удалилась. Трактирщик задержался на мгновение, но затем, кивнув своим мыслям, пожелал приятного аппетита и тоже пошел по своим делам. Время сейчас бойкое, скоро яблоку упасть негде будет, так что забот хватает. А кухня здесь ничуть не изменилась, по-прежнему все вкусно. Ненадолго Виктор позабыл о своих горестях. Был у него грешок: любил вкусно поесть. Наверное, оттого, что мамка, несмотря на малый недостаток в семье, всегда хорошо готовила и могла устроить праздничный стол из простых продуктов «ежедневной потребительской корзины» — такое вот модное выраженьице появилось в России на рубеже двадцатого и двадцать первого веков.

С ужином было покончено, и Виктор лениво цедил вторую кружку кваса. К нему вновь подошел хозяин кружала:

— Как тебе, Добролюб?

— Спасибо, все как всегда.

— Вот и славно.

Хм. А вот такого отродясь за ним не водилось... Трактирщик без лишних слов устроился напротив и как-то потупился. А вот подошла и подружка Голубы. В руках она держала малый поднос, на нем стояла бутылка, в каких обычно хлебное вино хранят (считай, та же водка), да три чарки. Поставила все на стол и сама присела, когда хозяин кивнул.

— Ты не обессудь, Добролюб... да только разное сказывают. Мы вас с Голубой в последний раз по осени видели, когда вы в град за покупками приезжали. Ты это... если что, так гони нас, мы пойдем.

— Да чего ты жмешься, как баба! Нормально сказывай давай. — Вроде и с толикой грубости постарался ответить, а у самого ком в горле стоит. И его состояние поймет любой, кто слышит его дрогнувший голос.

— Правда ли, что поженились вы и дите у вас было, а в войну ты всех потерял?

Спрашивает трактирщик, а сам понимает, что не нужно ему уж ничего слышать, потому что и так все яснее ясного. Ответ аршинными буквами написан мокрыми дорожками слез на почерневшем лице. Губы бывшего скомороха дрожали. А еще страшно становится от того зрелища, что собой представляет некогда красивое лицо. Зверь, как есть зверь, страдающий, злобный, кроткий и свирепый — не описать словами все то, что увидели присевшие напротив мужчина в годах и молодая девушка.

— Все правда. И женой она мне была, и матерью дитяти нашего. И смерть приняла лютую вместе с дочуркой и домочадцами.

— Царствие им небесное.

Когда только успел разлить водку по чаркам? Здесь так же, как и на Земле, горькой поминали усопших. Вот только выставлять чарку с краюхой черного хлеба не принято, как и проливать на землю или хлеб капли напитка — дань усопшим. Ну да не все должно быть одинаково, а по идее, так и вовсе удивительно, что столько общего между земным и этим миром. Выпили не чокаясь. Видать, душой этот торговец к своим девкам все же не как к мясу относится. Хотя и выгоды своей не теряет, но по-своему любит подопечных и заботится о них. Все говорит об этом, стоит только вспомнить богатый гардероб, который Голуба с собой отсюда унесла. Далеко не каждая вольная может себе позволить такие красивые наряды, какие носят его холопки. Да и сейчас: ведь с чистым сердцем подошел к Добролюбу. И девке позволил присесть, хоть и холопка она.

Виктор глянул в глаза девушке и тут же вскинулся, словно шерсть на загривке встала дыбом. А вот жалеть его не надо! Жалеть нужно тех, кого он еще повстречает и с кого цену спросит! А он спросит!!! Ясно почувствовав изменившееся настроение гостя, девушка тут же засуетилась. Сноровисто собрала посуду, оставив только кув-

шин с недопитым квасом и кружку, и мышкой скользнула в сторону. Вот только была — и уже нет. Но трактирщик остался.

— Не сердчай, Добролюб. Голуба была моей холопкой, да только ни к кому из них я плохо не относился. И не безразлично мне, что с ними станется.

— Это ты меня прости. Злоба моя не к вам относится.

— Оно понятно. Тут недавно объявился кузнец Богдан, что был твоим обельным холопом. Сказывает, будто в съезжей получил от тебя грамоту и теперь он вольный.

— Объявился, стало быть?

— Объявился. Да только не тот ныне Богдан. От прежнего кузнеца ничегошеньки не осталось.

— А что такое?

— Пьет безбожно. Напьется — и валится под стол. Продерет глаза — и снова пьет. Смотрю на него и диву даюсь. Ведь помню еще по прежним временам: мастер — золотые руки. А теперь так опустился, даже воля ему не в радость. Сейчас на заднем дворе спит, но скоро уж проснется.

— Горе у человека. Он всю свою семью потерял.

— А у тебя радость?

— Я иное, — тяжело вздохнул Виктор. — Он свое горе в вине топит, а я в ярости.

— Слышал я, какую трепку ты гульдам задал. Они почитай сразу от стен Звонграда покатались обратно. Даже великого князя с войском дожидаться не стали. А тот, не заворачивая в град, сразу следом двинул. Наше ополчение и гарнизон тут же к нему присоединились. Народ бает, что ты в одиночку ту войну выиграл.

— Не знаю, что там молва мне приписывает... Сдается мне, слишком многое. Но сделанное — только начало. Если не пойду и дальше гульдов резать, то тоже, как Богдан, стану пить. А мне того не надо, потому как тогда я себя вконец потеряю.

— Дак ведь замирение вышло!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Осколки былого	5
<i>Глава 2.</i> Тать	43
<i>Глава 3.</i> Ватага	71
<i>Глава 4.</i> Вепрь	120
<i>Глава 5.</i> Месть	165
<i>Глава 6.</i> Служба государева	190
<i>Глава 7.</i> Охота	235
<i>Глава 8.</i> Тучи сгущаются	284